

Статья опубликована в:

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 265-308.

Т. В. Зеленкова

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: НА ПУТИ ОТ «СХИЗИСА» К «СХЕЗИСУ»¹

«Теория — это когда все известно, но ничего не работает. Практика — это когда все работает, но никто не знает почему. Мы же объединяем теорию и практику: ничего не работает... и никто не знает почему!»

А. Эйнштейн²

Введение

Далеко не новый вопрос о взаимоотношениях между исследовательской и практической психологией продолжает оставаться вопросом и в настоящее время, несмотря на то, что к нему с завидной постоянностью обращаются и методологи, и теоретики, и практики. Констатация многочисленных разрывов в ткани психологического знания, появившаяся в результате методологической рефлексии психологического сообщества, показала, что постмодерн, глубоко проникший во все сферы науки, культуры и общества, прочно укоренился и в психологии. К настоящему времени из всех разрывов наиболее болезненным, по-видимому, продолжает оставаться разрыв между исследовательской и практической психологией. Другие разрывы, которые обозначались разными авторами еще десять лет назад (между естественнонаучной и гуманитарной парадигмами, между западными и восточными концепциями и др.), начинают постепенно сокращаться. Это происходит, с одной стороны, в результате методологического осмысления перспектив развития психологии, ее предмета и места в решении неуклонно расширяющегося

¹ Схезис – от греч. σχέσις (schésis) – взаимосвязь

² Так говорил Альберт Эйнштейн / сост. Н. Гогидзе. Ростов н/Д: Феникс, 2014. С. 42.

поля социальных задач; с другой стороны - в результате стремительного роста междисциплинарных исследований.

Однако практическая область по-прежнему продолжает оставаться в методологическом поле сознания и в реальной деятельности отделенной от исследовательской психологии. Это символизируют два известных лозунга, под знаменем которых психологическое сообщество распределилось по двум полюсам: «нет ничего практичнее хорошей теории» и «нет ничего теоретичнее хорошей практики»³. Слово «схизис», введенное в психологию Ф.Е. Василюком, стало сегодня неким символом, оправданием этого разделения и коммуникативного отчуждения, больше переживаемого теоретиками, чем практиками. Часто беседы между теми и другими напоминают известный диалог из фильма «Покровские ворота»: «Гравировать имена победителей - работа, требующая самоотречения... Не знаю, Лева, насчет самоотречения, тонкости эта работа не требует. Она выполняется спицштихелем».

М.А. Степанова, анализируя ситуацию в современной психологии образования, тоже отмечает относительную независимость науки и практики. Несмотря на то, что в школах повсеместно работают психологи, прикладных исследований не стало больше (Степанова, 2010). Из этого следует, огромное количество уникальных данных, получаемых в практике образования, либо не было зафиксировано, либо не было востребовано психологической наукой. В результате наука упускает свой шанс.

Методологическая рефлексия этого упущения и изменение социального статуса психолога образования, вынужденного сегодня решать значительный круг задач психолого-педагогического сопровождения обучающихся, включая, наряду с задачей сопровождения обучения, профилактические, просветительские, диагностические, коррекционно-развивающие и социальные задачи, находит решение в обособлении новой интегральной самостоятельной отрасли психологии – практической психологии образования (Асмолов, 2003). Тем не менее, разрыв между исследовательской и практической психологией образования не уменьшается, несмотря на поставленную задачу создания вариативных моделей образования и проявляясь, к примеру, в том, что сейчас в системе образования развивается не прикладная психология, как это предполагал Л.С. Выготский, а психологическая практика, и школьные психологи дистанцируются, как отмечает М.А. Степанова, от психологических проблем, являющихся типичными для психологии образования (Степанова, 2010).

³ Интересно отметить, что, по некоторым источникам, у истоков обоих этих выражений стояли великие немецкие мыслители: идея первого приписывается И. Канту, второго – И.В. Гете.

Конечно, постмодернистская раздробленность и расщепленность, уже достигшая пика своего развития, еще долго будет проявляться в науке, культуре и обществе, но, тем не менее, в общем культурном пространстве уже улавливаются признаки наступления нового времени, которое пока скромно называют пост-постмодернизмом или метамодернизмом. Одной из присущих ему характеристик является определенный тип мышления, выражающийся в динамике «раскачивания» между многочисленными полюсами модерна и постмодерна: единством и множественностью, между авторским контролем и общедоступностью, мастерством и концептуализмом и т.д. (Вермюлен, Аккер, 2014). И мы могли бы не без основания добавить: между психологической теорией и практикой.

Другой характерной особенностью пост-постмодернизма являются призывы к интеграции постмодернистской раздробленности. «Постмодернистскому узакониванию различных взглядов на природу психического, разнообразных подходов к его изучению и объяснению как равно адекватных, обернувшегося оправданием и их «сепаратизма», пришли на смену постмодернистские настроения, выразившиеся, в частности, в стремлении, узаконив разнообразие подходов к познанию психики, попытаться их интегрировать» (Юревич, 2008, с. 13). Сейчас практика уже не замкнута на отдельную теорию, а теория – на отдельную практику. Но существующее многообразие, плюральность и концепций, и практик привело к отсутствию глубины, не критичности в выборе методов и средств исследовательской и практической деятельности. Это компенсировалось ощущением свободы, творческих исканий, сопровождавшихся настойчивым предчувствием необходимости интеграции: «Недостаточно признавать множество граней наших различий: нам нужно идти дальше и начинать признавать множество граней сходства. Иначе мы будем способствовать не возникновению холизма, а приумножению беспорядочных нагромождений» (Уилбер, 2013б, с. 154). Отечественными методологами также ставится вопрос: «не пора ли переходить от противопоставления или примирения разных парадигм к другому типу методологического рефлексирования?» (Корнилова, 2012, с. 179). Интегративному движению способствует и продолжающийся процесс семантизации постмодерна - переход от обозначения структур к наполнению их смысловым содержанием и пониманию.

В поисках какого-либо приемлемого сближения между исследовательской и практической психологией многие авторы делают попытки обозначить промежуточные звенья, как например, выделение «практико-ориентированных теорий», «близких к практике психологов-исследователей» или «близких к исследователям практиках» (см., например, работу

А.В. Юревича, 2010). Предлагается использовать понятие «научно-практическая деятельность», мотивируя это существенным изменением самой практической психологии в связи с тем, что ею сейчас занимаются и академические психологи, и преподаватели вузов, либо даже вовсе заменить практических психологов исследователями как «полноценными специалистами» (Фоменко, 2008).

Типы взаимоотношений между исследовательской и практической психологией

В целом, взаимоотношения между исследовательской и практической психологией можно выразить с точки зрения их ролей по отношению друг к другу в широком диапазоне от подавления до возможной интеграции. С этой точки зрения можно выделить следующие взаимные позиции:

1. *Подавление.* Характеризуется установлением «имперских» отношений: либо теория полностью подчиняет практику, либо ситуация становится обратной. О первом случае Л.С. Выготский писал: «Там практика была колонией теории, во всем зависимой от метрополии; теория от практики не зависела нисколько; практика была выводом, приложением», а ее «успех или неуспех практически нисколько не отражался на судьбе теории» (Выготский, 1982, с. 387). Вторая, противоположная ситуация отражает позицию «нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 1996).

2. *Противостояние.* Исследовательская традиция не считает практическую психологию ценной, и более того, считает ее ненаучной и засоренной всякого рода околону научными теориями и практиками. В свою очередь, психологическая практика считает исследовательскую психологию ненужной для нее самой, а востребованной только для таких же исследователей.

3. *Независимость.* И та, и другая являются ценными, но их сферы деятельности, цели, средства и зоны ответственности не связаны между собой. Они занимаются разными проблемами, имеют разные «входы и выходы» по отношению к психологической реальности, и каждая из них вносит свой вклад в ее познание.

4. *Комплементарность.* Исследовательская и практическая психология, при всей несводимости ценностей каждой из них, могут взаимодополнять друг друга. По мнению А.В. Юревича, на самом деле существует «не «схизис», а взаимодополнение, *комплементарность* «двух психологий», устранение различий между которыми не пошло бы на пользу ни им обеим, ни нашему обществу» (Юревич, 2010, с. 101). Такого же мнения придерживается А.Б. Холмогорова: два типа знаний, выделенные еще Аристотелем

(практическое контекстуальное и теоретическое внеконтекстуальное), должны не соперничать, а дополнять друг друга (Холмогорова, 2014).

5. *Интеграция*. Проявляется в разных формах: первая - двустороннее взаимодействие. «Две психологии» взаимодействуют как равные партнеры. Исследовательская психология для построения теории использует как можно большее количество практик. В свою очередь, практическая психология в ситуации оказания психологической помощи опирается на возможно большее количество необходимых теоретических концепций. Например, гештальттерапия опирается на гештальтпсихологию, философскую феноменологию, психоанализ, экзистенциальную психологию и восточную философию; теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик И.Н. Карицкого использует данные двенадцати психопрактических систем и более чем пятидесяти психологических практик (Карицкий, 2002); интегральная психология К. Уилбера опирается на психологические данные более чем ста теорий и практик (Уилбер, 2004).

Другая форма интеграции основана на парадигмальном включении. Взаимоотношения между исследовательской и практической психологией рассматриваются с точки зрения социально-исторического развития психологических парадигм. Эта форма интеграции в отечественной психологии описана в контексте «гипотезы «метелок» Е.А. Климова, который с ее помощью показал, как внутри «советской психологии» зарождался другой тип профессионала-психолога - «настолько иной, что для него совершенно не годятся те процедуры профессиональной аттестации, которые были традиционно установлены (наличие научных в общепринятом смысле публикаций, ведение занятий в вузе или работа в научном учреждении, успешная работа над диссертацией и пр.) и которые, кстати, остаются в ходу еще и сегодня» (Климов, 1992, с. 9).

В соответствии с гипотезой «метелок» исследовательская и практическая психология находятся не в разрыве, а в генетической преемственности. Новая практико-ориентированная парадигма зарождается в недрах исследовательской парадигмы в период ее максимального расцвета на фоне противоречий, когда возникает множество диалогов, конфликтов, дискуссий. В этот период возникают различные «ветвления» - точки бифуркации, которые служат точками роста. Благодаря новым взглядам на психическую реальность, начинает зарождаться новая, ортогональная ветка, которая строится в сознании людей как максимально независимая от предыдущей. Эта ветка, как считают ее адепты, отвергает прежнюю. Но на самом деле, то, что они «неизбежно заимствуют из прошлого, переобозначается и переосмысливается в контексте (на языке) новой системы», включается и трансформируется ими

(Климов, 1992, с. 8). Таким образом, практическая психология, внешне проявляя антагонизм к исследовательской, в реальности содержит внутри себя весь ее арсенал.

Далее практическая психология будет развиваться как самостоятельная парадигма до своего максимума, пока внутри нее не появятся ростки другой парадигмы, которая будет включать обе предыдущие. Эта цепочка неразрывна, поскольку все это – стадии непрерывного эволюционного процесса, каждая из которых превосходит и включает все предыдущие.

Интересно отметить, что сами «метелки» (графический образ парадигм) Е.А. Климов расположил ортогонально друг к другу, подчеркивая, что каждая парадигма развивается независимо, хотя и порождается в самом центре предыдущей.

Эволюционная динамика отношений между исследовательской и практической психологией в России: модель Климова-Гибсера

Е.А. Климовым предложена оригинальная модель развития отношений между двумя рассматриваемыми направлениями психологии в России (Климов, 1992). По мнению автора, отношения между ними зарождаются еще на очень раннем этапе развития сознания и проходят ряд закономерных этапов. Интересно отметить, что эти этапы существенно коррелируют с филогенетическими стадиями развития сознания в классификации одного из основателей интегрального подхода Ж. Гибсера, выделившего пять таких стадий: архаическую, магическую, мифическую, рациональную и интегральную (Гаськова, 2007) или плюралистическую (Уилбер, 2013б). Вот как выглядят взаимоотношения между научной (исследовательской) и практической психологией в свете этих подходов.

1. *Архаическая* стадия. Начинается с самых первых фаз антропогенеза, когда сознание отдельного индивида практически полностью слито с групповым сознанием. В процессе жизнеобеспечения племенное сознание могло выделять и фиксировать опыт столкновения людей с разного рода обстоятельствами, а также некоторые внутренние состояния: сон-бодрствование, страх, боль и проч. Это была ситуация, когда «нечто во внешнем и внутреннем мире человека манифестирует себя сознанию в ситуации определенного столкновения, конфликта (в этом смысле конфликт – условие знания), а конфликты, манифестирующие психику, не могли отсутствовать уже на самых ранних фазах развития сознания; при этом (и поэтому) человек не мог не узнавать о психике (Климов, 1992, с. 5).

На этой стадии зарождаются смутные предчувствия возможности как-то воздействовать на обстоятельства и первые попытки управлять групповым поведением.

2. *Магическая* стадия. Включает ранний религиозный период. Для этой стадии характерны: постепенное выделение сознания отдельного человека из группового; появление языка и способности к самоосознаванию; вера в таинство, магические действия, заклинания, амулеты; эмоционально насыщенное ощущение власти над миром.

Человек неизбежно нащупывает различные средства овладения психической реальностью: «средства, которые мы могли бы рассматривать как психотерапевтические или саморегулятивные, люди отнюдь не оставляли в прошлом; эти средства им были нужны и их сохраняли, "вписывая" в складывающуюся новую мировоззренческую систему (там же, с. 11).

3. *Мифическая* стадия. Включает поздний религиозный период. Это стадия относится к домодерну и доклассическому типу рациональности. Она характеризуется полярностью сознания, в частности, внутренний мир вступает в оппозицию с внешним. Доминирует образный, художественный способ познания психической реальности. Вместе с тем, начавшаяся профессионализация лиц, ответственных за владение человеческими душами, переходит в лоно церкви.

Психотерапевтические средства на этой стадии основаны на слиянии веры и культа: служители церкви переносили ритуалы, обряды и другие магические действия на христианскую почву, постепенно обособляя их и превращая в особую тайную науку.

4-а. Рациональная стадия: *ранний рациональный* период. Это стадия раннего модерна и классического типа рациональности характерна для «досоветского» периода развития отечественной психологии. Дореволюционная психология в России неоднородна: она ориентирована, с одной стороны, на идеалистическую философию, с другой – на применение психологического знания во врачебной, инженерной и другой общественной практике, и эти две линии находятся в противостоянии.

4-б. Рациональная стадия: *поздний рациональный* период. В целом соответствует стадии «советской психологии». Это поздний модерн и неклассический тип рациональности. «При всех тонкостях авторских различий, отмечает Е.А. Климов, советская психология представляет собой нечто целостное – для специалистов характерно стремление развивать науку на экспериментальной основе и строить значительные теоретические обобщения фундаментального толка. Одновременно это сопровождалось некоторым (пусть неявным, но фактически достаточно последовательным) небрежением к от-

дельному человеку, его личным проблемам; отсюда неразработанность практических психологических техник, известного рода физикалистская модель "хорошего" психологического исследования, доминирование убежденности в том, что проблемы каждого решаются на основе решения общих проблем» (Климов, 1992, с. 9).

5. *Ранняя интегральная*, плюралистическая, имеющая черты постмодерна и постнеклассического типа рациональности. Эта стадия соответствует «постсоветской» психологии и характеризуется зарождением иного типа профессионала-психолога – «психолога-практика», которого специалисты, ориентированные на традиционную науку, сначала воспринимают как «чужого», но, тем не менее, принимают в жизнь профессионального сообщества. Однако практический психолог сам заостряет свою позицию, противопоставляя ее традиционному научному подходу. В недрах этой стадии, отмечает Е.А. Климов, тоже могут зародиться какие-то новые системы профессионально-психологических функций (там же).

Интересно отметить, что описанные стадии представляют собой также чередование групповых и индивидуальных форм деятельности в поле психической реальности. Так, архаическая стадия характеризуется ярко выраженной групповой деятельностью, магическая – индивидуальной и т.д.

О проведении границ

С позиций неклассической психологии, для которой характерно сращивание «в единой системе деятельности теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний» (Степин (1997, с. 112), а практика является «колонией теории» (Выготский, 1982), крайне затруднительно провести разграничительную линию между исследовательской и практической психологией. Стремление «развивать науку на экспериментальной основе и строить значительные теоретические обобщения» сочеталось с доминированием «убежденности в том, что проблемы каждого решаются на основе решения общих проблем» (Климов, 1992, с. 9). А поскольку современное психологическое знание ориентировано, в основном, на неклассическую стадию развития наук, то «нельзя настаивать на пропасти, якобы существующей между научной – академической – и практической психологией» (Корнилова, Смирнов, 2012, с. 178). И исследовательская, и практическая психология, в силу нечеткости границ между ними, могут изменять психическую реальность. Поэтому предлагается не противопоставлять их, а разграничивать в практической психологии два направления в соответствии с отношением практиков к категориальным, методическим средствам традици-

онной научной (академической) психологии. Первое связано с опорой на эти средства при оказании психологической помощи, второе – с сознательным отказом от них и использованием других способов осмысления психологических представлений (там же).

Тем не менее, основания для выделения различий все же есть. Прежде всего, отмечаются: различие в целях (направленность либо на исследование, либо на преобразование психической реальности), в степени абстрагирования в рассмотрении человека, понятийном аппарате, в характере используемых средств и проч. Как показывает А.М. Эткинд, расхождение наблюдается также в когнитивных структурах внутри профессионального сознания (Эткинд, 1987).

Одно из основных различий кроется в типе взаимодействия между психологом и другим человеком, что было подмечено А.Г. Лидерсом (Лидерс, 2001). В исследовательской (экспериментальной) психологии взаимодействие осуществляется по типу «субъект-объект» (человек для психолога – испытуемый), в практической психологии – по типу «субъект-субъект» (человек для психолога – клиент). Это различие и увидел Ф.Е. Василюк, что послужило основанием отнести психотехническое познание к постнеклассическому типу. Однако, абсолютизируя практику и не допуская участия исследовательской психологии в разработке концептуальных основ практики, он тоже рассматривает практику с позиций неклассической науки, но с противоположного конца. С этой точки зрения теорию должен строить сам практик на основе получения новых данных внутри процесса психопрактического действия. Тем самым игнорируется культурный (научный) контекст, поскольку практически весь арсенал исследовательской науки остается при этом «за бортом». А для постнеклассической науки – наоборот, характерно абсолютизирование контекстов.

Устранение различий между исследовательской и практической психологией, отмечает А.В. Юревич, не является прогрессивным. Их существование не исключает комплементарность, взаимодополнение «двух психологий» (Юревич, 2010). Эта комплементарность предполагает не пассивное дополнение одной из них до целостной картины, а их активное взаимодействие, что во многом зависит от доминирующей на данном этапе развития психологии парадигмы. Так, например, в настоящее время в США заявлен новый курс в направлении исследований психического здоровья, ориентированный только на биомедицинскую модель, в связи с чем закономерно возникает вопрос кого или что лечить: страдающего человека или нарушенную нейронную сеть? (Холмогорова, 2014). Такое игнорирование культурных и социальных факторов может соответствующим образом отразиться на

направленности методов психологической помощи и профилактики, которые, в противовес психотерапии будут сводиться к психофармакологии.

Перспективы «первого» и «третьего» лица

Прояснение взаимоотношений между исследовательской и практической психологией требуют, на наш взгляд, введения критерия «перспективы»⁴ (взгляд, позиция, система координат), которая определяет контекст деятельности исследователя и практика. Исследовательская психология – «взгляд снаружи» - описывает психологическую реальность с нейтральной и объективной позиции (от 3-го лица), и описывает ее в научных категориях, понятиях, терминах. Практическая психология – «взгляд изнутри» - это психология «от 1-го лица», задача которой не описывать психологическую реальность, а непосредственно работать с ней, действуя преимущественно субъективно: преобразовывать, изменять психическое состояние другого человека (или группы).

Введение этого критерия позволяет нам отойти от крайних позиций и рассматривать взаимоотношения между исследовательской и практической психологией как менее противоречивые и более взаимосвязанные. В частности, вопреки традиционному представлению о том, что наука исследует преимущественно часто повторяющиеся явления (номотетический подход), а практика обычно имеет дело с единичными случаями, позиция 3-го лица не налагает запрет на изучение исследовательской психологией редких случаев (например, при идиографическом описании). В свою очередь, перспектива от 1-го лица дает возможность в психологической практике рассматривать не только достаточно уникальные, но также и типические ситуации, что позволяет отличить психологическую практику, например, от искусства, которое также имеет перспективу от 1-го лица, но где уникальность результата всегда доводится до предела. Данное различие объясняет часто встречающееся заблуждение практических психологов, которые необоснованно сводят психотерапию к искусству, что с нашей точки зрения может встречаться, но только в редких случаях. Гораздо более общим фактором, связывающим мастерство психотерапевта и искусство, является их принадлежность к деятельности от 1-го лица.

Пересечение критерия перспективы с типом отношений («субъект-объект» или «субъект-субъект») дает возможность деления исследовательской психологии на естественно-научную и гуманитарную, а практиче-

⁴ Данный термин впервые был предложен К. Уилбером в его последних работах, посвященных исследованию духовности: Интегральная духовность. М., 2013. и Четвертый поворот. М., 2014.

ской психологии – на прикладную психологическую практику и собственно психологическую практику (табл. 1).

Таблица 1

КРИТЕРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Перспективы	Отношения	
	субъект-объект	субъект-субъект
1-го лица	а) прикладная психологическая практика; б) собственно психологическая практика	собственно психологическая практика
3-го лица	а) исследовательская психология (естественно- научная парадигма); б) прикладные исследования	исследовательская психология (гуманитарная парадигма)

Субъект-объектные отношения. В перспективе 1-го лица этот тип отношений характерен и для прикладной практики, в силу принадлежности ее задач к другой, непсихологической сфере деятельности, и для собственно психологической практики, если преобразование психической реальности осуществляется непсихологическими средствами. В перспективе 3-го лица – для прикладных и фундаментальных исследований в естественно-научной парадигме, где человек является испытуемым.

Субъект-субъектные отношения. Такой тип отношений реализуется в собственно психологической практике, где главную роль играет взаимопонимание на основе диалога, и в исследовательской гуманитарной традиции, для которой характерен идиографический подход и герменевтика.

Одним из фундаментальных отличий исследовательской и практической психологии является язык как средство освоения психической реальности. То, что исследовательская и практическая психология используют разные языки для ее описания, отмечается многими исследователями (см., например, статью А.В. Юревича, 2010). Уточняя характер этих различий, А.М. Эткинд обращает внимание на параметрический (исследовательский), либо метафорический (практический) характер описания психологического опыта. Если в исследовательской психологии используется преимущественно измерительные процедуры, анализ результатов которых образует характеристику исследуемого объекта, то для практической психологии такой способ является малоприменимым - здесь уместен метафорический язык описа-

ния. Различается также и способ обобщения психологических данных: в исследовании обобщение является трансиндивидуальным, в практической психологии – трансситуативным. Условием интеграции академической и практической психологии, которая связана с возможностью взаимопонимания и взаимодополнения, является «разработка языка, на котором сопоставительный анализ может быть понят и осознан представителями обеих областей психологической профессии» (Эткинд, 1987, с. 30). На наш взгляд, роль такого языка могут выполнять психотехнологии.

Психотехнологии

Технология осуществляет переформулирование, перевод языка науки (от 3-го лица) в описание действий, используемых в практике (от 1-го лица). Здесь перспектива 3-го лица становится более конкретизированной и приближенной к практике. Главное, что психотехнология создается уже с учетом аксиологических факторов, интегрируя исследовательское знание с нравственными ценностями (принципами). Важность этого процесса подчеркивал В.С. Степин, обращая внимание на связь истины и нравственности в стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами (Степин, 2003).

Рассуждая о перспективах парадигмального синтеза, А.В. Юревич показывает огромный потенциал психологических технологий, которые, способны научно организовать, упорядочить практическую психологию. В новых условиях рыночной экономики в связи с растущим спросом на различные виды психологического знания, технологическая траектория становится «наиболее прибыльным и перспективным направлением развития прикладной психологии» (Юревич, 2008, с. 12). Технологичность в развитии прикладной психологии может оказать влияние и на академическую психологию, «породив новую - *технологическую* парадигму ее развития», которая станет основой примирения естественнонаучной и гуманитарной парадигм (там же), и, как нам видится, исследовательской и практической психологии.

Организирующая функция технологии особенно важна для интеграции подходов к познанию психической реальности и методов практической работы с ней. В.П. Зинченко в ответах на вопросы журнала «Вопросы философии», рассуждая по поводу термина Л.С. Выготского «философия практики», отмечал, что она «предполагает создание собственного инструментария, своего рода гуманитарной технологии. Сейчас каждая из дисциплин на свой страх и риск создает соответствующую практику, исходя при этом из своего образа человека.... Это приводит не только к тому, что многие из технологий

далеки от совершенства, но и к тому, что сильно затруднен обмен опытом построения различных технологий. Поэтому необходимо как улучшение уже имеющихся, так и разработка принципов создания новых технологий для различных сфер общественной практики (Наука о человеке, 1989, с. 21).

Сегодня возникает острая необходимость, проектировать социально-психологические технологии формирования толерантности учителя и вариативные психолого-педагогические технологии формирования универсальных познавательных действий, обеспечивающих решение учебных задач (Асмолов, 2010), создавать модели, описывающие опыт работы с психикой в психологии образования (Степанова, 2010).

Психотехнология теснее связана с академической и прикладной исследовательской психологией, чем собственно психологическая практика, поскольку ее семантический компонент требует исследования соотношения ее структурных компонентов с психологическими теориями. С другой стороны, психотехнология тесно связана с практикой, поскольку ее прагматический аспект состоит в некой конкретной реализации. В связи с этим мы отмечаем в функциональной роли психотехнологий два взаимосвязанных компонента.

С одной стороны, требуется методическая основа, алгоритм действий, направленных на изменение психической реальности. Эти действия должны быть обеспечены соответствующими методами и психотехниками. В данном контексте под психотехникой мы будем понимать «прием или совокупность приемов психологического воздействия», а под психотехнологией «выстроенную последовательность применения этих приемов» (Карицкий, 2007, с.59).

С другой стороны, психотехнология должна описывать субъект-субъектное взаимодействие с позиции 3-го лица. В своей сути она должна прописывать процесс создания социального холона⁵, который психолог должен построить в процессе своего взаимодействия. Речь идет не об исследовании социального холона, как это делал Н. Луман, изучая аутопоэз социальных систем (Луман, 2004), а об активном формировании таких микросоциумов, которые на время взаимодействия имеют границы и собственный аутопоэз, отличающий их от внешнего социума. Поэтому содержание психотехнологии должно быть связано с символической репрезентацией коммуникаций и отражать структуру коммуникаций между психологом и клиентом. В связи с этим психотехнологию можно рассматривать как семиотическую систему, которая является связующим звеном в отношениях между исследовательской и практической психологией.

⁵ Термин «холон», введенный А. Кестлером в работе «Дух в машине» (1993), обозначает саморегулирующиеся открытые системы, которые демонстрируют одновременно и автономные свойства целого, и зависимые свойства частей. Эта дихотомия представлена на всех уровнях открытой иерархической организации любого типа (биологической, психологической, лингвистической, социальной и проч.).

Интегративная функция любой психотехнологии кроется в ее семиотической основе, которая содержит три компонента, два из которых (синтактика и семантика) являются структурными, а третья (прагматика) относится к области непосредственной практики, которая может быть и прикладной, и собственно психологической.

Синтактика отражает поверхностную структуру психотехнологии – состав, последовательность и правила взаимодействия структурных единиц, в качестве которых могут выступать отдельные приемы, методики, методы, техники и проч. Семантика отражает глубинную структуру технологии – учитывает принадлежность, отношение этих единиц к тем или иным психологическим теориям, научную обоснованность их включения в технологию. Прагматика – это конкретная реализация психотехнологии в практике.

Так, например, в описанной нами технологии стимуляции творчества в музыкально-исполнительской деятельности детей с помощью сочинения волшебной сказки (Зеленкова, 1999; Петухов, Зеленкова, 2001) синтактика была представлена виде описания непротиворечивой последовательности определенных действий, необходимых для создания культурных средств творческого исполнения музыкальных произведений. Семантический аспект технологии заключался: а) в привязке этих действий к возрасту детей, уровню творческого воображения и когнитивной сложности сочиняемых ими сказок; б) в соотношении каждого действия с теориями творчества и научном обосновании их места в технологии; в) в соотношении технологии с психологическим типом психолога. Прагматика состояла в практическом использовании технологии в практике (в совместном действии по реализации технологии в детской музыкально-сказочной драматизации).

В психотерапии технология должна учитывать не только психологический или патологический тип клиента (о чем пишут, например, Бурно, 2006, Собчик, 2005 и др.), но и характер его личностной проблемы. В идеальном случае – еще и психологический тип психотерапевта. Семантика психотехнологии состоит, прежде всего, в том, что не каждая технология может применяться любым психотерапевтом к любому клиенту с любой проблемой. Подобный подход четко показан у Ф.Е. Василюка в рамках понимающей психотерапии, где он строит метатехнологию - технологию технологий (Василюк, 2007).

Основы классификации

Особая роль психотехнологий определяет ее положение модератора отношений между исследовательской и практической психологией. С учетом

введенного выше критерия перспективы и функциональной роли психотехнологий виды исследовательской и практической деятельности в психологии можно расположить в следующем порядке (табл. 2).

Таблица 2

**СООТНОШЕНИЕ ВИДОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ**

Критерии	Исследовательская психология		Психотехнологии	Практическая психология		
Цель деятельности	Познание		Преобразование языка науки в описание действий на аксиологической основе	Преобразование		
Контекст деятельности	Описание от 3-го лица			Действия от 1-го лица		
Виды	Академическая	Прикладная		Прикладная психологическая практика	Собственно психологическая практика	
Отношения	Субъект-объект (естественно-научная парадигма);	Субъект-объект		Субъект-объект	Субъект-объект	Субъект-объект
	Субъект-субъект (гуманитарная парадигма)		Субъект-субъект			

В исследовательской психологии четко различают два направления: фундаментальное (академическое) и прикладное. Академическая психология, как известно, изучает общие законы функционирования психики, ориентирована на получение нового знания и занимается самоорганизацией психологической науки в целом. Это требует от исследователя универсализма теоретического знания и деятельности в перспективе от 3-го лица. В процессе этой деятельности отношения психолога с исследуемым «другим» не являются только субъект-объектными, как это традиционно отмечалось. Они являются таковыми лишь в контексте естественно-научной парадигмы. В гуманитарном исследовании мы уже не можем относиться к человеку как к объекту: диалогичность и герменевтическая направленность гуманитарных исследований делают этот процесс субъект-субъектным.

Результаты академической психологии не обязательно должны внедряться в практику. Они могут оставаться теоретическим знанием, делая вклад в развитие теоретико-философских или методологических оснований психологии, либо быть этапным знанием, задавая перспективы для дальнейших исследований. Довольно часто результаты, полученные в академических исследованиях, «ожидают» момента, когда они будут востребованы практикой или прикладной психологией. Но в целом, «исследовательская практика как поставщик знания не может отвечать за использование этого знания в практических целях» (Корнилова, Смирнов, 2012, с. 176).

Практическая психология, направленная на преобразование психической реальности и осуществляющая деятельность, как показано выше, с позиции 1-го лица, неоднородна. Она не всегда реализует субъект-субъектные отношения. В той части практической психологии, которая относится к прикладной психологической практике, человек выступает для психолога как объект его преобразовательной деятельности, направленной на решение социальных, непсихологических задач, но которые он осуществляет с помощью психологических средств.

В области собственно психологической практики возможны два вида отношений. Если практика не предполагает диалогического общения (например, музыкотерапия, цветотерапия и проч.), реализуются отношения «субъект-объект». В противном же случае, возможны только отношения «субъект-субъект», что необходимо для достижения главной цели – изменения психической реальности на основе взаимопонимания. Здесь «и цель, и средство носят психологический характер» (Карицкий, 2002, с.41).

Ф.Е. Василюк (1992) отделяет психологическую практику от практической психологии по основаниям «своя» для психологии и «чужая», подразумевая под практической психологией прикладную психологическую практику, где психолог якобы утрачивает специфику психологического мышления. Не думаем, чтобы клинический психолог согласился бы с таким «диагнозом»: работая в психиатрии, он не находится в плену медицинского диагноза, а использует его для получения данных и пополнения теоретического знания. Его ситуация уникальна тем, что он имеет доступ к таким аспектам психологической реальности, которые обогащают академическую психологию и не доступны для исследования в других областях науки и практики.

Психолог, работая в прикладных областях, не теряет, а углубляет свой профессиональный образ мира, который и должен отражать специфику той социальной действительности, в которой работает, иначе он не сможет оказывать психологическую помощь людям, в ней нуждающимся.

Перед психологом, работающим в психологической службе, стоит другая задача. Он работает в гуманистическом, личностно-ориентированном ключе, оказывая психологические услуги людям, имеющим жизненные проблемы. Он ориентирован на более широкий круг задач и вынужден иметь знания, пусть и более поверхностные, в разных областях психологии. В силу этого он не сможет профессионально решать задачи клинического или спортивного психолога, поскольку ограничен в глубине категориальной специфики своего восприятия, а полная ответственность и за цели, и за методы, и за результаты своей работы всегда граничит с безответственностью.

Л.С. Выготский не считал прикладную психологию «чужой», наоборот, развитию прикладной психологии он отводил «ведущую роль в развитии нашей науки», способную перестроить ее принципы на основе введения в науку данных, полученных в опыте (Выготский, 1982, с. 387). Он заостряет внимание на трех моментах:

1) Психология должна выходить за пределы лабораторных данных, поскольку психологические данные, получаемые в различных областях социальной деятельности, неизмеримо богаче. Практика «заставляет усвоить и ввести в науку огромные, накопленные тысячелетиями запасы практически-психологического опыта и навыков», т.е. поставляет для психологии научно неупорядоченный, но огромный психологический опыт, который оказывает перестраивающее влияние на прикладную науку. Подчеркивая прикладной характер практической психологии, Выготский характеризует отношения между исследовательской и практической психологией как аналогичные отношениям анатомии и медицины, физики и техники. Практика «выдвигает постановку задач и служит верховным судом теории, критерием истины» (Выготский, 1982, с. 387-388).

2) Происходит перестройка всей методологии психологии - она становится основанной на принципах прикладной психологии: «Сложнейшие противоречия психологической методологии переносятся на почву практики и только здесь могут получить свое разрешение. Здесь спор перестает быть бесплодным и получает конец» (там же, с. 388). Строится «философия практики» как учение о научном методе психотехники. Одной из целей «философии практики» является методологическое обеспечение способа получения качественных практических данных для научной (исследовательской) психологии.

3) Идеологический момент: роль прикладной психологии в том, что она помогает преодолеть идеалистическую психологию в пользу материалистической (отказ от психологии Гуссерля, Дильтея и др.). В рамках этого контекста определение психотехники как научной теории, которая «привела бы к подчи-

нению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» означает, что ценность психотехники заключается не в попытке понять и описать психологическую реальность, а в умении ее подчинить и овладеть.

Различия между прикладной и собственно психологической практикой касаются и их отношений к исследовательской психологии. Если прикладная практика тесно связана с результатами прикладных исследований, опирающихся на научно обоснованные теоретические модели, то собственно психологическая практика, помимо научных, может опираться и на эвристические модели, которые чаще всего и бывают в ее основе. Она может опираться на личностное знание и непосредственный личный опыт специалиста, который должен обладать универсализмом эмпирического знания, опосредуемого метафорами и символами или передаваемого клиенту непосредственно в ощущениях.

В прикладной практике проверка ее результативности обычно проводится на основе различных показателей, связанных с достижением социальных целей. Это могут быть показатели успеваемости или успешности коррекции школьных трудностей, показатели трудовой деятельности человека, качества жизни или показатели эффективности психотерапии. Основным результатом собственно психологической практики является, в основном, нахождение совместных с клиентом (или группой) решений конкретных проблем и перенесение полученных в ходе практики навыков в повседневную жизнь.

Область прикладной психологии, кроме практического направления (действия от 1-го лица), имеет также четко выраженное научное, которое относится к перспективе от 3-го лица. Здесь реализуются отношения «субъект-объект». А.М. Эткинд выделяет в прикладной психологии две функции: человек предстает и как объект познания (в исследовательской) и как объект преобразовательной деятельности (в практической психологии) (Эткинд, 1987). В прикладной исследовательской психологии происходит специализация общенаучных психологических знаний в соответствии с различными областями социальной деятельности человека. Результаты прикладных исследований, проверенные экспериментально, требуют внедрения в практику, но в некоторых случаях, как и в академической психологии, могут оставаться теоретическим знанием, продвигающим развитие всей прикладной психологии.

Взаимодействие областей

Уже в самом определении собственно психологической практики как деятельности «по преобразованию и изменению психической реальности психологическими средствами», приведенное И.Н. Карицким (Карицкий, 2002, с.224), содержится имплицитное указание на ее взаимоотношения с ис-

следовательской психологией. Психическая реальность, постоянно изменяясь вместе с социальной и культурной реальностью, требует постоянного изучения и создания новых средств для ее исследования.

Прикладная исследовательская психология и прикладная практика наиболее тесно взаимодействуют между собой. Основные различия между ними, как отмечалось выше, состоят в целях (первая направлена на познание, вторая – на преобразование) и перспективах (соответственно от 3-го и от 1-го лица). Взаимоотношения между этими областями теснее всего образуются внутри отдельных отраслей психологии: здесь чаще всего реализуется схема «практика – исследование – метод (или технология) – практика». Запрос на исследование формируется в том случае, если в реализации практических задач ощущается недостаток, прежде всего, технологий или отдельных методов. Результаты исследования, проверенные в эксперименте, становятся основой новых научно-обоснованных методов, востребованных практикой, а также вносят вклад в развитие теоретической области в конкретном прикладном направлении.

Здесь же реализуется и схема «теория – метод – практика – теория», когда теоретические положения служат основой для разработки практического метода для оказания психологической помощи. Например, выполненное в области педагогической психологии экспериментальное исследование П.Я. Гальперина и С.Л. Кабыльницкой по формированию внимания у детей является основой практического метода, который применяется в коррекционной работе школьного психолога. Однако теория поэтапного формирования умственных действий, на которой основано это исследование, является общепсихологическим знанием и входит в область академической психологии. Поэтому здесь можно говорить о связи академической и практической психологии.

В прикладных областях психологическая реальность расширяется за счет получения специализированных психологических знаний. Здесь же психолог получает возможность проведения уникальных экспериментальных исследований, где в роли независимых переменных выступают естественные условия той социальной области, в которой работает психолог. В клинической психологии, например, это могут быть лечебные препараты, реабилитационные мероприятия и проч. Возьмем исторический пример работы А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева в экспериментальных госпиталях в годы войны, которая через реабилитационную практику дала возможность сделать вклад в теорию деятельности и теорию динамической локализации высших психических функций. Гениальность этих ученых проявилась в том, что они смогли обобщить уникальные данные сразу на уровне академической науки.

Практический психолог, если ему недостаточно имеющихся знаний для его практической деятельности, может планировать и проводить исследования, но тогда он попадает в поле прикладной науки. Клинический психолог, занимаясь исследованиями в области медицинской психологии, работает в сфере прикладной науки, а осуществляя свою профессиональную деятельность в клинике, занимается прикладной практикой (если использует научно обоснованные знания), но может переходить в область собственно психологической практики, если в основе психологической помощи лежит не научная, а эвристическая модель.

Теперь возьмем не отраслевую (объектную) сторону практической психологии, а личностную (субъектную) - оказание психологической помощи человеку вне конкретной социальной деятельности. Формы этой помощи могут быть очень разными: психологическое консультирование, тренинг, психотерапия и проч. Для того, чтобы понять проблему клиента на языке психологических понятий, требуется очень широкий спектр знаний, в том числе и сведений о научных достижениях: психолог должен быть в курсе новейших исследований по самым разнообразным вопросам, касающимся личности, психических процессов, состояний и проч. Именно в необходимости формирования и поддержания на современном уровне прочной базы знаний нам видится роль исследовательской психологии в успешности собственно психологической практики. Это отношение можно было бы выразить афористично следующим образом: «всякий практический психолог обязан знать исследовательскую психологию, но не всякий исследователь обязан быть практиком».

Исследовательская психология меньше связана с собственно психологической практикой, прежде всего, из-за ориентации последней преимущественно на эвристические концепции и личный опыт специалиста, и в меньшей степени - на научно-обоснованные теории и достоверные психологические данные, с которыми имеет дело исследовательская психология. Тем не менее, базы экспериментальных данных, которые формируют исследователи, вполне могли бы использоваться и в практической психологии - разница в способе их анализа и обобщения: здесь их нужно «читать» не по столбцам, а по строкам (людям), как это предлагает А.М. Эткинд (Эткинд, 1987). А базы данных, которые используют практики, хотя они и отличаются от исследовательских и основываются на типичных ситуациях, могли бы заинтересовать исследователей, которые к количественной оценке добавили бы еще и качественную.

Карта и территория

Попробуем представить соотношение в едином процессе деятельности исследовательской и практической психологии в их взаимодействии с психотехнологиями через известную метафору Альфреда Кожибски про карту и

территорию⁶. В этом случае под «картой» мы будем подразумевать результаты, полученные в области исследовательской психологии, под «территорией» - саму психическую реальность. Для того, чтобы практический психолог «проходил по территории», ему нужна «карта» - модель этой психической реальности. Однако карта – это всегда обобщенная система координат, поэтому на основе карты обычно прокладывается конкретный «маршрут» продвижения по территории. Это и есть метафора для психотехнологии.

Итак, мы получаем: роль исследовательской психологии заключается в составлении «карты» психологической реальности, психотехнологии – в разработке «маршрута», а практической психологии – в конкретной реализации этого маршрута. Для практика «карта» необходима, но она не может отразить все подробности психической реальности, она дает только ориентиры, отражая ее узловые точки. Опираясь на карту, разработчик строит конкретный маршрут – стратегию, психотехнологию. Реализуя ее на практике, психолог, исходя из реальной ситуации, учитывает конкретные особенности совместного взаимодействия с человеком («здесь и сейчас»), имея возможность гибко изменять, варьировать методы и тактические приемы.

Технология осуществляет, как отмечалось выше, перевод языка 3-го лица на язык 1-го лица подобно тому, как карта переводится штурманом для лоцмана в практические инструкции по руководству движением. Диссоциация между исследовательской и практической психологией наблюдается в тех случаях, когда «карта» одна, а «территория» - другая. Между ними должна быть не диссоциация, а дифференциация, суть которой в понимании различий между «картой» и «территорией». Тем не менее, между ними существует и связь: данные, получаемые на «территории», являются основой знаний при построении «карты». Находясь в диалектическом единстве, исследовательская и практическая психология должны быть «нераздельными и неслиянными».

Здесь уместно обратить внимание на методологические нюансы различения знаний и данных, которые не всегда рефлексированы, когда речь заходит о практической психологии. Например, Г.Ю. Фоменко отмечает, что в работе психолога-практика возникают три вида нового знания, которое требует систематизации: знание, полученное в результате адаптации обобщенного знания и алгоритмов к индивидуальным случаям; знание, полученное в результате формулирования своего личного опыта в общезначимых терминах или в виде закономерностей; знание о взаимодействии психолога и клиента (Фоменко, 2008). Однако то новое, что возникает в процессе практики

⁶ Речь идет об известном высказывании основателя общей семантики А. Кожибски «карта - это не территория, модель мира - не сам мир, но хорошая карта структурно подобна территории, и в этом ее польза»

(при прохождении по «территории»), еще не является собственно знанием – это пока новые психологические *данные*. Знаниями они становятся в результате обобщения и научного осмысления (при построении «карты») – при переходе в область исследовательской психологии. Практика – это получение «руды», а теория – намывание «золота».

Для формирования «карты» и прохождения по «территории» нужны и практические данные, и теоретические знания, поскольку «нуждающийся в помощи ожидает ее как помощь посредством реализуемых психологом *знаний*, иначе он обратился бы к колдуну, магу и т.п.» (Корнилова, Смирнов, 2012, с.176). И чем лучше практики будут знать «карту», тем лучше будут осваивать «территорию». Однако не всегда очевидно, что в процессе практики психолог неизбежно находится под влиянием тех или иных концептуальных оснований (системы отсчета, модели психологической реальности), что в этом смысле он не свободен. Просто меняются «фигура» и «фон». Во время психопрактического процесса гуманистическая позиция психолога (задача психологической помощи) становится «фигурой», а теоретическое знание уходит на фоновый уровень и присутствует в свернутом виде (но не исчезает совсем). Во время последующей рефлексии на первый план выходят теоретические убеждения, под углом которых рассматривается практика. Наглядным примером такого процесса является осмысление хода психотерапевтической сессии К. Роджерсом (Роджерс, 2012).

«Схизис» и «профишизия»

Почему вдруг все стали видеть «схизис»? Есть ли на самом деле расщепление профессионального сознания, которое А.М. Эткинд полушутливо назвал профишизией? Не будем отрицать существование ряда объективных причин, которые привели к обособлению исследовательской и практической психологии. Задачи практики оказались гораздо шире, чем просто приложение научных результатов в прикладных областях, поэтому внедрения результатов исследований в практику оказалось недостаточным. Кроме того, возникли новые социально-экономические условия, в которых оказание психологической помощи оформилось как отдельная деятельность, провоцирующая коммерциализацию психологических услуг. Так выделилась особая сфера собственно психологической практики, где психолог «сам себе хозяин»: он ответственен и за ее содержание, и за качество. Появилась иллюзия превосходства ценности опыта и интуитивного подхода без опоры на теории. Отрицание практики в начале постмодерна привело к отрицанию теории в его конце.

Одной из причин кажущегося «схизиса» является неявное разделение исследовательской и практической психологии по типу естественно-научной и гуманитарной (это «читается» и у А.М. Эткинды, 1987, и у Ф.Е. Василюка, 1992). Исследовательскую психологию относят к естественно-научной (внешней) сфере, а практическую – к гуманитарной (внутренней), хотя реально существуют научные исследования в гуманитарной психологии и прикладная психологическая деятельность по решению социальных задач естественно-научного типа. Еще Л.С. Выготский, и С.Л. Рубинштейн проводили научные исследования не в традиционном естественно-научном ключе, а в гуманитарном, что не приветствовалось в то время политикой научной деятельности. Вспомним, например, тот факт, что уникальные результаты исследований А.Р. Лурия и Л.С. Выготского в Средней Азии почти 40 лет были под запретом и не публиковались⁷. И в современной психологии тоже есть научные исследования внутренней психической реальности в гуманитарном ключе (например, Д.А. Леонтьев, В.Ф. Петренко).

В то же время в прикладной практике широко используются естественно-научные подходы: в нейропсихологической коррекции школьной неуспеваемости, в работе с детьми с синдромом гиперактивности и дефицита внимания, в коррекции поведения в русле бихевиорального подхода и проч. Или, например, в практической работе по решению задач формирования команд успешно используются поведенческие расстановки. Историческим фактом подобной практики были действия Наполеона в создании войска для борьбы с наездниками армии Египта, в результате которых самая плохая регулярная кавалерия того времени наносила поражение самым блестящим регулярным наездникам – мамелюкам (Энгельс, 1959). Все это свидетельствует о том, что разделение между исследовательской и практической психологией не может проходить по линии «естественно-научная - гуманитарная».

Отождествление исследовательской психологии и естественно-научной, практической и гуманитарной привело к ложному ощущению расщепления психологии на два непересекающихся потока. «Схизис» – это, скорее, болезнь нашего сознания, возникшая, возможно, в результате болезненного вытеснения травматических событий, связанных с памятью о непростых

⁷ Речь идет об исследовании социального происхождения процессов мышления и восприятия, их обусловленности уровнем развития культуры и трудовой деятельности, которые А.Р. Лурия проводил в Узбекистане в начале 1930 г. Известная фраза А.Р. Лурия «у узбеков нет иллюзий», как отмечает В.Ф. Петренко, могло бы стать метафорическим эпитафием всей культурно-исторической психологии (Петренко, 2013). Исследуя в культурно-историческом ключе оптические иллюзии, А.Р. Лурия и Л.С. Выготский уже тогда интегрировали естественно-научную и гуманитарную парадигмы, предвосхитили один из основных тезисов постмодернизма о культурном конструировании психической реальности.

отношениях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и других пионеров исследования внутренней психологической реальности с режимом.

Еще одна причина когнитивного «схизиса» возможно состоит в смешении перспектив 1-го и 3-го лица при описании психической реальности. В психотехническом методе, как его описывает А.А. Пузырей, исследование должно быть непосредственно включено в практическое действие так, чтобы практика «не могла осуществляться без этого включенного в нее исследования» (Пузырей, 1986, с 99-100). Однако речь идет не об «естественнонаучном экспериментальном исследовании», а об исследовании особого вида, которое, возможно логично было бы назвать гуманитарным, и которое, будучи включенным в психопрактический процесс, служило бы источником для его построения: «формулируемая нами идея метода ориентирует исследование на получение (в каждой точке его!) такого знания об объекте изучения, которое позволяло бы строить форму практики (психотехнического действия), с необходимостью предполагающую (непрерывное) получение знания о ней, ее исследование в качестве необходимого условия самого ее существования!» (Пузырей, 1986, с. 100). И, несмотря на то, что, в целом, ясно, о чем идет речь - в идеале такое исследование должно быть основой любой психотерапевтической сессии - тем не менее, само понятие исследования предполагает рефлекссию, рассмотрение предмета исследования с позиции 3-го лица, что совершенно невозможно внутри самого процесса практики.

Ф.Е. Василюк тоже видит сущность психотехнического подхода в том, что в нем психологическая практика вводится внутрь психологической науки, а наука – внутрь практики (Василюк, 1996). Однако практика – это не эксперимент, и мы не можем ставить исследовательские задачи непосредственно в сеансе. И верифицируется теория не в практике. Введение практики внутрь науки означает творить науку от 1-го лица; введение науки внутрь практики – осуществлять психологическую помощь от 3-го лица, что разрушает саму психологическую практику.

Во время психопрактического процесса психолог выступает с позиции 1-го лица (я, мы), и одновременное рефлексирование только приведет к разрушению самой практики. Но это не значит, что мы не фиксируем хода процесса и деталей взаимодействия - мы действительно получаем новые данные, но это всего лишь данные, которые еще не стали новыми знаниями. Знаниями они станут тогда, когда психолог выйдет из процесса в позицию 3-го лица и попытается их отрефлексировать, проверить опровергающими гипотезами и экспериментами, когда они будут включены в существующую у психолога систему понятий.

Невозможно исследование включить внутрь практики и преобразовать данные в знания во время самого сеанса, иначе практика перестанет быть практикой. Такой вид взаимодействия, которое описывают как психотехнический метод Ф.Е. Василюк и А.А. Пузырей, сейчас является недостижимым – они фактически описали «недвойственный» подход к проблеме. А это пока только очень отдаленная (хотя и привлекательная) перспектива.

Мы видим методологическую неточность в нерасчлененности, слиянии позиций 1-го и 3-го лица вместо их дифференциации и интеграции, что означает шаг в домодерн, когда наука зависела от этики и эстетики (у К. Уилбера это называется «до-над-заблуждением»). Исследование требуется для изучения психических структур, процессов, состояний (того, что можно описать в категориях 3-го лица), практика - для их преобразования с позиции 1-го лица.

В этом смысле интересен интеграционный опыт И. Ялома, который, соединяя исследование с психотерапевтической практикой, варьирует перспективы 1-го и 3-го лица в зависимости от задач. Получение исходных данных, которые затем используются для обобщения и получения знаний о лечебных факторах, он осуществляет разными методами. Это и мнения терапевта, и сообщения пациентов на занятиях, и опрос, построенный на диалоге с пациентом, в ходе которого возникает чувство «мы» - взаимный резонанс, основанный на доверии и понимании (субъективные данные с позиции 1-го лица). И чем сильнее будет этот резонанс, тем более надежными (правдивыми) станут субъективные данные и тем качественнее (более истинными) - объективные знания. «Чем глубже спрашивающий способен войти во внутренний мир переживаний пациента, тем более ясным и осмысленным становится его (пациента) сообщение. Чем больше спрашивающий способен на время «забыть» о своем исследовательском интересе, тем большего доверия пациента он добьется и сможет, более чем кто-либо, понять его внутренний мир» (Ялом, 2007, с. 7-8).

И. Ялом придает большое значение и методу систематических исследований, которые выявляют причинно-следственные зависимости, необходимые для получения знаний (перспектива 3-го лица). Несмотря на то, что, как отмечает И. Ялом, «исследовательский подход не безупречен» (это связано с недостаточной четкостью измерений факторов и критериев оценки результатов), тем не менее сам он положительно оценивает свой опыт интегрирования исследовательского подхода и психотерапевтической практики, который позволил ему выявить лечебные факторы: «я удовлетворен тем, что вывел их на основании лучших из имеющихся в моем распоряжении доказательств и создал основания для эффективного подхода к терапевтическому процессу» (там же, с. 8).

Соотношение между исследовательской и практической психологией – это диалектическое соотношение между дихотомическими оппозициями, являющимися противоположными, но несимметричными. Оно предполагает разумный компромисс между полнотой и точностью: практика обеспечивает полноту данных, а исследование – точность, очищая эти данные от «шума». Их взаимодействие – это реализация теории холона по А. Кестлеру: практика – это данные, исследовательская психология – знание. Практика снабжает данными теорию (карту), и на основании этой карты осваивается новая территория (то, что еще не пройдено). На следующем уровне, на основании новой карты, возникает новая практика и т.д. Таким образом, на каждом уровне развития то, что было практикой, должно становиться теорией. Создается новая система отсчета, и тогда в практике появляется больше возможностей.

Эволюционная схема взаимодействия данных практики и знаний такова: в исходной практике (П1), имеющей определенный теоретический багаж – «карту» (Т1), возникают трудности, необъяснимые данные → требуется обращение к теории и построение новой «карты» с учетом этих данных (Т2), которые на новом уровне становятся знаниями → на основе новой «карты» осуществляется практика (П2), в которой получают новые данные → расширение «карты» (Т3) → практика (П3) и т.д. Смена «карты» (обращение к ней) происходит в моменты наивысших затруднений, когда в развитии практики есть тупик, поворотная точка, точка бифуркации.

Решетка Уилбера-Комбса

В методологическом анализе психологических практик, выполненным И.Н. Карицким, четко показывается линия взаимодействия психологической теории и практики: теория – метод – навыки и умения – феноменология. «Всякая конкретная психотерапевтическая система имеет уровень теории, располагает своим методом, специалист также должен владеть определенными навыками и умениями, и данная психотерапия апеллирует к своим специфическим феноменам, с которыми работает и которые интерпретирует» (Карицкий, 2002, с. 227). При этом должно прослеживаться единство концепции, метода, праксиса и феноменального уровня.

Выстраивание линии взаимодействия теории и практики является необходимым, но недостаточным условием для понимания их взаимоотношений, которые в реальности являются гораздо более сложной системой. На самом деле, для интегрированной системы взаимодействия теории и практики необходимо, чтобы каждая отдельно взятая практика опиралась на целый спектр теорий, а каждая отдельно взятая теория взаимодействовала с целым спектром различных практик.

Такая модель соответствует интегральной «решетке Уилбера-Комбса», которая построена для возможно более полного охвата психологической реальности (Уилбер, 2013а, с. 101). Решетка представляет собой матрицу, строки которой представлены теориями, а столбцы – практиками. Тогда в каждой теории видим многообразие практик, и в каждой практике – многообразие теорий, к которым психолог-практик должен обращаться в силу особых требований к психологической компетентности психолога, связанных с участием в работе с психикой всей целокупности психических процессов человека. «Он [*психолог* – Т.З.] порой не может ограничиться строгими рамками одного подхода. И дело отнюдь не в методологической беспринципности. Психолог здесь объективно нуждается в задействовании комплекса подходов и средств. Возможный выход — в обращении ко всему накопленному, но достаточно разрозненному потенциалу» (Петровская, 1990). Если и практические подходы, и теории интегрированы, то мы получаем так называемое «ожерелье Индры» - все видят всех, и практика всегда может найти свою теорию.

На каждом уровне развития сознания матрица содержит соответствующие элементы. Это предполагает, что один и тот же клинический случай будет по-разному решаться на разных уровнях. Чем более высокий уровень матрицы, и чем больше в нее включено теорий, тем успешнее будет решена практическая задача.

Имея эту модель, мы можем ответить на вопрос, поставленный Ф.Е. Василюком (1992): почему гештальтпсихология и гештальттерапия не образовали единую систему, несмотря на блестящую исследовательскую традицию первой и богатейший опыт второй, почему они не смогли развиваться, взаимно обогащая друг друга. Гештальтпсихологии не хватило полноты для описания того многообразия психологической реальности, которое давали полученные в опыте гештальттерапии данные о субъективных состояниях человека. Кроме того, гештальттерапия оказалась более интегрированной, поскольку она подпитывалась еще и другими теориями (психоанализом, феноменологией, идеями экзистенциальной психологии, восточной философией). Однако гештальтпсихология оказалась более плодотворной в других областях практики - прикладных.

Структурированность теории и практики как условие их взаимодействия

Эффективность взаимодействия (интегрированность) исследовательской и практической психологии улучшается, если и теории, и практики хорошо структурированы (дифференцированы). Плохая структурированность, аморфность, размытость порождает спонтанность, случайность взаимодействия. Однако структурированность является необходимым, но не достаточ-

ным условием хорошего взаимодействия. Вторым условием на этом фоне является интегрирование и той, и другой стороны: лучше, если и теории, и особенно практики, количество которых очень большое, интегрированы.

Но если в академической психологии в течение длительного времени сложилась достаточно четкая общая исследовательская культура, имеющая даже национальную специфику исследовательской деятельности (Коннов, 2012), то в практической психологии, представленной неупорядоченной, постоянно пополняемой массой разноуровневых технологий, попытки упорядочения и осмысления ее методологических оснований начались только чуть более десяти лет назад (Карицкий, 2002; Василюк, 2003).

Наиболее полной и содержательной, на наш взгляд, является классификация И.Н. Карицкого (2002, 2007), который систематизировал психологическую практику по разным основаниям, создав интегративную систему, дающую четкую ориентацию в области практической деятельности. В этой системе психопрактики разделяются по видам, по концептуальным, онтологическим, аксиологическим, экзистенциальным и методологическим основаниям, по деятельностнообразующим аспектам. Они классифицируются также и по базисным уровням воздействия и трансформации, что дает возможность исследовать связи между ними. Однако сами уровни обозначены здесь на основании «древних традиций мудрости» (см., например, работу А. Лавджоя, 2001), которые материальные уровни (тело и энергию) располагали внизу иерархической пирамиды, а психические уровни (эмоции, разум и дух) – вверху. Современный подход, критикуя древние традиции («большая часть того, что древние мудрецы принимали за метафизические универсалии, в действительности культурально формировалось и обуславливалось» (Уилбер, 2013а, с. 260), рассматривает материю и энергию как внешнее измерение бытия, а психические уровни – как внутреннее: «то, что мы называем материей, является не низшей ступенью..., а внешней формой каждой ступени великого спектра» (там же, с. 256). Тогда на каждом уровне бытия присутствуют и внешнее, и внутреннее.

Классификация И.Н. Карицкого является открытой и может быть дополнена другими основаниями, на что указывает сам автор (Карицкий, 2006, с.87). Однако, выделение весьма солидного количества критериев классификации, может закрывать более глубинные объективные основания. Одним из таких оснований является посекторное разделение практик в соответствии с выделением областей психологической реальности по факторам «внешнее-внутреннее» и «индивидуальное-групповое», представленное К. Уилбером практически во всех его работах.

Несмотря на отмечаемую И.Н. Карицким тождественность психологических и социально-психологических практик, в их содержании он акцентирует внимание только на связи психического и телесного (соматического) в человеке (Карицкий, 2007, с. 16). В таком случае, согласно схеме Уилбера, рассматриваются только «верхние сектора» (работа с психикой и телом), т.е. дается правильная, но частичная картина. Чтобы система была интегральной, необходимо дополнить ее «нижними секторами» (как говорит герой известного кинофильма, пора переходить «от клубных команд к сборным»), а именно – межсубъектным взаимодействием, и рассмотреть ее как социальный холон. Возникающая во время практики замкнутая социальная система позволяет описывать ее со стороны коммуникаций, в результате которых и возникает то самое переживание, ведущее к взаимному пониманию участников психопрактического процесса. В этих секторах работает Ф.Е. Василюк, поставив в соответствие уровни сознания, на которых идет построение переживания, и методы психологической помощи (Василюк, 1988).

Но есть и еще одно глубинное основание для классификации – типология проблем, за которыми стоят субъекты реального мира. Она обеспечивает проведение соответствия между уровнями, патологиями развития и психологическими практиками, что наглядно представлено в классификации К. Уилбера (Уилбер, 2006, с. 243).

Интеграционные процессы в практической психологии

Наиболее стремительно интегрировать различные методы стали практические психологи, занимающиеся коррекцией и психотерапией, что вызвано, с одной стороны, неудовлетворенностью практиков односторонностью и ограниченностью какого-либо одного направления психотерапии, с другой – наличием многочисленных форм и методов психотерапии, которых еще в 2002 году насчитывалось от 500 до 1000 (Карвасарский, 2002, Макаров, 2001). И хотя такое количество неудивительно для эпохи зрелого постмодернизма, факт такого многообразия вызывает у практикующих психологов тревогу. К интеграции практико-ориентированных методов в психотерапии стали обращаться известные российские ученые, указывая на важность взаимопотенцирования средств и методов психофармакотерапии, соматотерапии, психотерапии и социально коррегирующих мероприятий (Александровский, 2010), а также включения в биопсихосоциальную парадигму духовного измерения, без учета которого невозможно добиться оздоровления психически больных, обретения ими новых жизненных смыслов и целей (Полищук, 2010).

На поле практической деятельности выходят комплексные психотерапевтические системы. Когнитивная техника часто используется в комбинации с поведенческой психотерапией, что обеспечивает продленный эффект, защищающий от рецидива. Еще более сложной интеграцией является аналитическая когнитивно-бихевиоральная система CBASP (Cognitive Behavioral Analysis System), которая представлена поведенческой, когнитивной, интерперсональной и психодинамической техниками (Терапия..., 2008). Довольно распространена синтетическая психотерапия, использующая в лечении пациента все доступные знания разных школ на основе научного синтеза (Карвасарский, 2002).

Все большее распространение в практике психотерапии получает дифференцированный подход, основанный на принципе технического эклектизма, который преимущественно ограничивается внетеоретическим синтезом психотерапевтических методов и предполагает ориентацию на индивидуальное проявление клинических признаков расстройства и использование широкого спектра различных методов воздействия независимо от теоретических взглядов психотерапевта (Карвасарский, 2010). Сам термин «эклектический» утрачивает негативный оттенок и «узаконивается» через название соответствующего журнала, который издается Международной академией эклектических психотерапевтов. В нашей стране, как показывает В.В. Макаров, сложилась мультимодальная интегративная психотерапия, которая носит национальный характер (Макаров, 2001).

В целом, формы интеграции в психотерапии часто складывались самопроизвольно, иногда – без учета их теоретического обоснования, ориентируясь только на решение проблемы. Тем не менее, как показывает М.Ю. Колпакова (2008), в интегративном движении зарубежной психотерапии четко прослеживаются два направления, так или иначе связанные с попытками найти общие теоретические основания для объединения различных психотерапевтических школ: теоретическая интеграция и поиск общих факторов.

В рамках теоретической интеграции проводится объединение различающихся элементов, используемых разными школами, и поиск общего основания для единой теории. Сюда относятся попытки концептуального синтеза психодинамического, бихевиористического и гуманистического подходов, а также системной семейной психотерапии с другими практиками. Развитие этого направления показало, что теоретическую интеграцию затрудняют или делают ее практически невозможной, прежде всего, метатеоретические различия в подходах. Если различия не столь критичны, и имеется общая основа теорий, интегрировать разные школы удастся путем анализа соответствий в

содержании понятий и создания необходимого теоретического звена между концепциями, как это блестяще сделано в работе К. Уилбера по синтезу трансактного анализа и гештальттерапии (Wilber, 1978).

Более прогрессивным направлением в интегративном движении оказался поиск факторов, общих для всех видов психотерапии и являющихся основой успешных психологических изменений. Отметим интересный и, несомненно, прогрессивный опыт Е.А. Загряжской по интеграции психотерапевтических подходов и поиску методологических ориентиров общей теории и практики психотерапии, выполненный к 110-летию К. Роджерса (Загряжская, 2012). И хотя рамки рассмотрения были сильно сужены и ограничены всего лишь одним случаем, примененный метод реконструирования психологической реальности и «вживания» в описанную К. Роджерсом ситуацию представителей разных психотерапевтических направлений, оказался вполне достаточным для представления основной проблематики интеграции. Результаты этого опыта пока не дают глубоких оснований для теоретических обобщений, но позволяют увидеть ориентировочную основу деятельности по поиску общих факторов.

Интегративное движение в формах теоретической интеграции и поиска общих факторов отражает глобальную тенденцию к созданию единого психотерапевтического подхода на общей теоретической основе. Возможно, это могло бы стать путем взаимодействия исследовательской и практической психологии в данной области, однако препятствия онтологического и эпистемологического характера, а также слишком большая степень абстрагируемости от конкретных социальных задач, мешают построению такого взаимодействия.

Попытки «наладить» такие отношения между исследовательской и практической психологией проявляются также в подходах, связанных с соотношением задач практики и интегративных теоретических моделей, дающих ориентиры для создания технологий практической работы (Празднова, Зеленкова, 2015), которые позволяют организовать психопрактический процесс. Широкий спектр объективных и субъективных данных, полученных в результате этой работы, используются, в свою очередь, для исследования и теоретического развития вышеуказанных моделей.

Эволюционные формы интеграции исследовательской и практической психологии

Интегративные формы организации знания, выделяемые в разных областях науки и в междисциплинарных исследованиях, далеко не однородны,

и отличаются степенью гибкости (жесткость-мягкость), характером центричности (моноцентричность-полицентричность), системообразующими элементами (объекты-связи) и проницаемостью границ (закрытые-открытые). К таким формам относятся иерархии, гетерархии, сети и холархии.

Традиционной, наиболее широко известной структурной формой интеграции является *иерархия*. Иерархическая система исторически представляет собой первый этап эволюции интегративных систем. В ней главное внимание уделяется свойствам объектов, входящих в систему, и их подчинению единому центру: низший уровень всегда подчинен более высокому. В иерархии ценность объекта абсолютна – чем выше он стоит по иерархии, тем выше его ценность. Иерархии имеют закрытые границы и относятся к системам жесткого подчинения, которые неспособны быстро и вариативно реагировать на изменяющиеся внешние условия, а противостояние сильным воздействиям, как правило, приводит к их разрушению.

Иерархическая форма интеграции больше характерна для классической психологии. Жесткость системы приводит к разрыву теоретической и практической психологии: практика вырвалась из-под контроля и начала самостоятельное движение. Похожая форма интеграции исследовательской и практической психологии предлагается, например, Г.Ю. Фоменко, которая решает этот вопрос на уровне государственного управления: путем замены (подавления) практиков исследователями, реорганизации полномочий в решении научно-практических задач, использование в работе практиков арсенала теоретического дискурса (Фоменко, 2008).

На втором этапе эволюции возникает *гетерархия*. Она является более гибкой, чем иерархия за счет распределения функций управления между несколькими центрами. Термин «гетерархия» впервые был введен американским нейрофизиологом и кибернетиком У. Мак-Каллоком для описания формальной модели работы мозга. В социальных науках, как отмечает Д. Старк, гетерархия представляет собой организационную форму с параллельной соподчиненностью: «В отличие от вертикально распределенной власти в иерархиях для гетерархий более характерны поперечно организованные сетевые структуры, отражающие более сильные взаимозависимости, возникающие в процессе сложно организованного сотрудничества. Они гетерархичны еще и потому, что не существует никакой иерархии среди соперничающих принципов оценивания» (Старк, 2009, с. 73).

Гетерархическая система полицентрична, ее главными ценностями, как и в иерархии, являются объекты и их свойства, а роль каждого центра управления формируется на основе плюрализма и зависит от текущих задач, решаемых системой. Это более гибкая система, способная выдерживать

нагрузки за счет переключения на разные центры управления. В гетерархиях границы более подвижны и регулируются самой деятельностью.

Гетерархический тип интеграции теории и практики является характерным, главным образом, для неклассической психологии и реализуется преимущественно при взаимодействии прикладной науки и практики, либо внутри отдельных направлений (например, гештальтпсихология и гештальт-терапия).

Третий этап эволюции интегративных систем - это *сетевая организация*, в которой изначально нет никаких центров власти и какого-либо соподчинения. Ее основная особенность – децентрация и переключение внимания от объектов к связям и отношениям между ними. Акцент на связи делает объекты вторичными: здесь объекты создаются, изменяются и упорядочиваются сетевыми связями и отношениями. Эта система еще более гибкая и интегративная, чем гетерархия, поскольку связи каждого объекта с каждым впервые создают возможность преодоления индивидуальных границ и возникновения смысловых контекстов, определяемых реальными связями объектов, а также исключают возможность бесконтрольного поведения объектов. Основную роль в координации сетевых взаимодействий начинает играть густота связей каждого объекта.

Сетевая организация не всегда понималась однозначно. Противопоставляя новые сетевые структуры мышления традиционным логическим или линейным, французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари выдвинули понятие ризомы (от фр. “rizome” – корневище), которое стало архитектурной основой описания особого типа сетевого мышления - ризоматического. Наглядным образом для этого понятия выступила корневая система растения, которая не имеет центрального вертикального корня, а является разветвленной протяженной сетью без начала и конца. Любое место такой системы может быть присоединено к любому другому ее месту, а связи находятся в непрерывной пульсации, сосредотачиваясь вокруг так называемых «плато» - временных зон устойчивости. Если связи ризомы по каким-то причинам разрываются, система самовосстанавливается (Делез, 2010).

Формирование ризоматической системы есть процесс эмпирический, не допускающий какое-либо управление этим процессом со стороны теоретической модели. Основными признаками системы являются ацентрированность, неиерархичность, отсутствие какой-либо основы: «Ризома есть антигенеалогия» (Делез, 2010; с. 19). Вследствие перманентной подвижности и способности порождать неповторимость и разнообразие, ризоморфные среды, как отмечает М.А. Можейко, «обладают имманентным креативным потенциалом самоорганизации, и в этом отношении могут быть

оценены не как кибернетические (подчиненные командам "центра"), но как синергетические» (Постмодернизм, 2001, с. 657). Ж. Делез и Ф. Гваттари описали ризому как сеть, отвергающую эволюцию, не имеющую внутреннего измерения, не признающую время, а развивающуюся исключительно в пространстве плоскости. Креативный потенциал такой сети, конечно же, существует, однако он только создает хаос, поскольку нет никакого отбора, отделяющего пустое от истинного. Это тупиковая ветка понимания сети.

Главное свойство сетевой структуры, которое Ф. Капра называет ее определяющей характеристикой, состоит в множественности путей и вариантов организации сети, которые создаются нелинейными процессами, сопровождаемыми множеством обратных связей. Последствия любого действия всегда распространяются по всей структуре сети, а ее граница постоянно поддерживается и пересматривается самой сетью (Капра, 2004). Таким образом, сеть обладает гораздо большим интегративным потенциалом, чем гетерархия, и этот потенциал возрастает в результате исключительной ценности связей и отношений по сравнению с объектами системы.

Для сетевой интеграции характерны особые отношения между исследовательской и практической психологией. Теория ориентируется не на отдельную практику, а свободно обращается с разными практическими направлениями, технологиями, методами. В свою очередь, и практика привязана не к отдельной теории, а взаимодействует со многими. Здесь уместно обратиться к известной метафоре «ожерелья Индры»: в каждой теории могут участвовать все практики, и в каждой практике – все теории. Однако необходимо учитывать, что сетевая интеграция – это не хаотическое объединение всего со всем: принцип сетевого объединения (по Дж. Чью) состоит в том, что притягиваются только сильно взаимодействующие теории и практики (Чью, 1968).

Такая организационная структура характерна для начального периода постнеклассической психологии. Недостаток сетевых моделей – поверхностность, некритичность, неупорядоченность по уровням организации. Научная рефлексия деятельности становится созерцательной, допускающей полипарадигмальность. Поэтому сетевая интеграция будет эффективной в том случае, если задача ставится на одном уровне сложности организационной формы, например, внутри одного эволюционного уровня. Но есть и несомненное преимущество: в сетевых структурах, в отличие от иерархических и гетерархических, присутствуют свобода выбора и творческого поиска, осознание психологической реальности как более сложной, чем это представлялось ранее.

Довольно часто такие модели используются в психотерапии. В зависимости от характера патологии, потребностей и возможностей пациента для достижения позитивных изменений в симптоматике, внутреннем мире и поведении больного используются методы различных направлений психотерапии, набор которых может изменяться в процессе лечения в соответствии с принципом обратной связи на разных уровнях проявления патологии.

Следующими после сетевой организации выделились *холархии* (термин, введенный К. Уилбером, 2004), в которых стали различать эволюционные уровни развития системы. Это дает возможность сохранять и гибкость, и преемственность в межуровневых сетевых структурах путем их дифференциации и включения. В холархиях важно не подчинение (как в иерархиях), а упорядочивание на основе принципа включения. На каждом последующем уровне включается только то, что имеет ценность для дальнейшего развития системы, и верхние уровни, в определенном смысле, сохраняют свою зависимость от нижележащих. В холархиях впервые выделяется так называемое «внутреннее измерение», определяемое степенью осознаваемости включенного содержания нижележащих уровней.

Основу такой системы А. Кестлер выразил в образной форме посредством трех символов: дерева, свечи и штурвального. «Дерево символизирует иерархический порядок, пламя свечи, постоянно изменяющее свой материал и все-таки оставляющее стабильную модель, - это простейший пример «открытой системы». Штурвальное представляет кибернетический контроль» (Кестлер, 1993, с.122).

Такой тип интеграции характерен для постнеклассической психологии (период пост-постмодерна). К построению холархических интегративных систем в психотерапии наиболее близко подошел К. Уилбер, который в соответствие эволюционным ступеням развития сознания поставил основные психологические идеи и концепции мировой науки. При этом каждый диапазон спектра сознания соединен в этой модели с соответствующим методом психотерапевтической работы. В интегральной системе присутствуют все эволюционные уровни развития сознания, причем каждый последующий уровень включает в себя предыдущий, образуя целостность особого вида - холон.

Таким образом, в условиях зрелого постмодернизма интеграция психологического знания эволюционирует от иерархических систем к сетевым и холархическим. Однако это не отрицает одновременного сосуществования различных форм интеграции, а зависит от конкретных задач, решаемых с помощью системы в той или иной обрести психологической реальности.

Развиваясь в контексте стремительно возрастающей сложности общенаучного знания, ни теоретическая, ни практическая психология не могут быть в изоляции от этого контекста - так или иначе они неизбежно будут продолжать испытывать его влияние, проявляющееся, прежде всего, в усвоении тех организационных форм интеграции, которые будут способствовать интеграции всей психологической науки.

Заключение

Итак, на смену уходящему постмодернизму приходит постпостмодернизм, главными чертами которого являются с одной стороны, «раскачивание» между полюсами модерна и постмодерна, что создает угрозу окончательной дезинтеграции, и с другой – стремление к преодолению раздробленности, что дает надежду на позитивное развитие психологии в направлении от «схизиса» – к «схезису»: от разрыва – к взаимосвязи.

То, что определялось ранее как «схизис» между исследовательской и практической психологией, в свете начавшегося интегративного движения и развития психотехнологий, уже не является таковым. При всем многообразии выделенных нами форм в отношениях между исследовательской и практической психологией, взаимосвязь между ними можно было бы выразить афористично, перефразируя известное высказывание А. Эйнштейна: исследовательская психология без практической хрома, практическая без исследовательской слепая. Практическая психология определяет цели, а исследовательская ищет средства, которые ведут к достижению этих целей (Эйнштейн, 2010).

Различия между исследовательской психологией и практикой необходимы для их дифференциации и последующей интеграции, а связующим звеном (интегратором) является разработка психотехнологий, которые, с одной стороны, тесно связаны с практикой, поскольку их прагматический аспект состоит в некой конкретной реализации, с другой стороны – с результатами научных исследований, поскольку разработка любой технологии немислима без опоры на новейшие теоретические достижения.

По поводу разрешения противоречий между взглядами представителей различных парадигм очень точно высказался Джон Стюарт Милль: «Можно с достоверностью утверждать, что почти в каждом из ведущих противоречий, в прошлом или настоящем, ...обе стороны были правы в том, что они подтверждали, однако не правы в том, что они отвергали; и что, если бы любой мог принять другие взгляды в дополнении к его собственным, немного понадобилось бы, чтобы сделать это учение правильным» (Mill, 1864, p. 11-12).

Литература

- Александровский Ю.А.* Взаимодействие клинической, биологической и социальной психиатрии при непсихотических психических расстройствах // XV съезд психиатров России. М.: ИД «МЕДПРАКТИКА-М», 2010. С. 92.
- Асмолов А.Г.* Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 3-12.
- Асмолов А.Г.* Стратегия и методология социокультурной модернизации образования // Проблемы современного образования. 2010. № 4. С. 4-18.
- Бурно М.Е.* Терапия творческим самовыражением. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2006.
- Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25-40.
- Василюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. №1. С. 15-32.
- Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: Автореф. ... дис. д-ра псих. наук. М.: 2007.
- Василюк Ф.Е.* Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. 1998. № 5. С. 27-37.
- Вермюлен Т., Аккер Р.* Что такое метамодернизм? // Двоеточие. 2014. № 23. <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/>
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. Соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291-436.
- Гаськова М.И.* Интегральные подходы в теории организации // Регион: экономика и социология. 2007. № 2. С. 239-251.
- Делёз Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Загряжская Е.А.* К. Роджерс в зеркалах других психотерапевтических подходов: в поисках общей теории психотерапии // Вопросы психологии. 2012. № 6. С. 122-132.
- Зеленкова Т.В.* Творческое воображение в развитии музыкально-исполнительского мастерства: дис.... канд. псих. наук. М.: 1999.
- Капра Ф.* Скрытые связи / Фритьоф Капра. М.: ООО Издательский дом «София», 2004.
- Карвасарский Б.Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. Спб.: Питер, 2002.
- Карвасарский Б.Д.* Российская психотерапия: состояние и перспективы развития // XV съезд психиатров России. М.: ИД «МЕДПРАКТИКА-М», 2010. С. 308.

- Карицкий И.Н.* Психологическая практика: базовая структура. М.: МАПН, 2006.
- Карицкий И.Н.* Психологическая практика: классификация. М.: МАПН, 2007.
- Карицкий И.Н.* Теретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М., Челябинск: Социум, 2002.
- Кестлер А.* Дух в машине // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 93-122.
- Климов Е.А.* Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник Московского ун-та. Сер. 14, Психология. 1992. № 3. С. 3-12.
- Колпакова М.Ю.* Развитие интеграции психотерапевтических теорий // Вопросы психологии. 2008. №1. С.146-155.
- Коннов В.И.* Характеристика российской научно-исследовательской культуры: возможности социально-психологического подхода // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 3-12.
- Корнилова Т.В.* Принятие неопределенности как предпосылка развития теоретической психологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.178-200.
- Корнилова Т.В.*, Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Лидерс А.Г.* Психологический тренинг с подростками. М.: Академия, 2001.
- Луман Н.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Макаров В.В.* Психотерапия нового века. М.: Академический Проект, 2001.
- Наука о человеке* (Интервью с В.С. Степиным, В.П. Зинченко, В.А. Ядовым и П.В. Симоновым) // Вопросы философии. 1989. №11. С. 14-29.
- Полищук Ю.И.* Духовное измерение в психиатрии // XV съезд психиатров России. М.: ИД «МЕДПРАКТИКА-М», 2010. С. 323.
- Постмодернизм: Энциклопедия* / А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001. С. 656-659.
- Петровская Л.А.* Вступительная статья // Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М.: Прогресс, 1990.
- Петухов В.В., Зеленкова Т.В.* Развитие музыкально-исполнительского мастерства как формирование высшей психической функции // Вопросы психологии. 2002. №3. С.20-32 .
- Празднова В.А., Зеленкова Т.В.* Синергетические эффекты интегрирования методов групповой психотерапии. Часть 1. // Психическое здоровье. 2015. №1 (104). С. 28-35.

- Пузырей А.А.* Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1986.
- Роджерс К.* Клиентоцентрированный / человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. 2012. №6. С. 70-81.
- Собчик Л. Н.* Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. Спб.: Речь, 2005.
- Старк Д.* Гетерархия: организация диссонанса // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1. С. 57-89.
- Степанова М.А.* От Л.С. Выготского к П.Я. Гальперину: Психотехнический подход в психологии образования // Вопросы психологии. 2010. №4. С. 14-27.
- Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. №8. С. 5-17.
- Степин В.С.* Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. «Методологические вопросы». М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. С. 108–121.
- Терапия антидепрессантами и другие методы лечения депрессивных расстройств.* Доклад рабочей группы CINP на основе обзора доказательных данных. М., 2008. С. 114-115.
- Уилбер К.* Интегральная духовность. Электронное издание. ООО «Ориенталия», 2013а <http://ipraktik.ru/store/ebooks/8-ken-wilber-integralnaya-duhosvnost.html>
- Уилбер К.* Интегральная психология. М.: ООО «Изд-во АСТ» и др., 2004.
- Уилбер К.* Краткая история всего / К. Уилбер. М.: АСТ: Астрель, 2006.
- Уилбер К.* Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности / К. Уилбер. – М.: ПОСТУМ, 2013б.
- Фоменко Г.Ю.* Возможности преодоления «схизиса» между исследовательской и практической психологией // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №3. С. 53- 63.
- Холмогорова А.Б.* Обострение борьбы парадигм в науках о психическом здоровье: в поисках выхода // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24. Вып. 4. С. 53-61.
- Чью Дж.* Аналитическая теория S-матрицы. М.: Мир, 1968.
- Энгельс Ф.* Кавалерия // К. Маркс, Ф Энгельс. ПСС: В 50 т. Т. 14. М.: ГИПЛ, 1959. С. 236–325.
- Эйнштейн А.* Эйнштейн о религии. М.: Альпина Нон-фикшн, 2010.
- Эткинд А.М.* Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопросы психологии. 1987. №6. 3. С. 20-30.

- Юревич А.В.* Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 90-104.
- Юревич А.В.* Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008. №1. С. 3-15.
- Ялом И.* Групповая психотерапия: Теория и практика. М.: Апрель Пресс, Психотерапия, 2007.
- Mill J. S.* Dissertations and discussions: political, philosophical, and historical, Volume 2, N. Holt, 1864. Электронный ресурс. URL: http://books.google.gr/books?id=FyfPAAAAMAAJ&pg=PA5&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false
- Wilber K.* A Working Synthesis of Transactional Analysis and Gestalt Therapy In Psychotherapy: Theory, Research and Practice, vol.15, #1, 1978.